

китин¹⁷. Во всяком случае Продолжатель Феофана, как показал П. Никитин, пользовался оригинальными текстами жития, а не метафрастовой переработкой его, возникшей в конце X в.¹⁸

Остановимся в этой связи на одном частном вопросе — на вопросе о соотношении первой части хроники Продолжателя Феофана с хроникой Георгия Монаха и ее продолжением — хроникой Симеона Логофета. По-видимому, соответствующие разделы первоначального текста первой редакции хроники Симеона Логофета возникли независимо от хроники Продолжателя Феофана: оба эти памятника отличаются друг от друга как самим содержанием, так и подходом к историческому материалу.

Однако вторая и третья редакции хроники Симеона Логофета содержат иногда общие с хроникой Продолжателя Феофана места. Таков, прежде всего, рассказ об иконоборческом патриархе Иоанне (Яннисе) и православном патриархе Мефодии, который мы находим и в хронике Продолжателя Феофана (ThC, p. 149 sq.), и в третьей редакции хроники Логофета (ThC, p. 647 sq.). В несколько отличном (сокращенном) виде этот рассказ содержится и во второй редакции хроники Логофета.

Поскольку этот рассказ отсутствует в первой редакции, мы вправе предположить, что во второй и третьей редакциях он был заимствован из какого-то источника. Однако этим источником вряд ли могла быть хроника Продолжателя Феофана, ибо в последней мы находим некоторые дополнительные детали (разъяснения), отсутствующие в третьей редакции хроники Логофета. Псевдо-Симеон, например, только упоминает друнгарию виглы Константина (ThC, p. 647.20), тогда как Продолжатель Феофана (ThC, p. 150.10—12) поясняет, что Константин был сыном логофета дрема патрикия Фомы.

Таким образом, можно предполагать, что третья редакция хроники Логофета заимствует этот рассказ о патриархах не из хроники Продолжателя Феофана, но из третьего источника, общего для обеих хроник.

По-видимому, из общего источника заимствован и рассказ о монастыре Сатир и строительстве дворца Вриант при императоре Феофиле. Эта вставка помещена Псевдо-Симеоном в книге, посвященной императору Василию I (ThC, p. 690.14 sq.), тогда как Продолжатель Феофана излагает этот эпизод явно не на месте (в книге о Льве Армянине), в результате чего ему приходится забежать вперед, упоминая патриарха Игнатия (ThC, p. 20.17—19) и императора Феофила (ThC, p. 21.4).

Кроме общедоступных письменных памятников, автор первой части нашей хроники имел возможность пользоваться материалами, собранными Константином Багрянородным и использованными также в сочинениях самого Константина¹⁹. Наконец, Продолжатель Феофана использовал и устную традицию, в том числе и совершенно недостоверную: особенно часто обращается он к слухам и маловероятным историям в книге о царствовании Михаила III²⁰.

Доверчиво повторяя недостоверные анекдоты, автор первой части хроники Продолжателя Феофана следовал обычным традициям византий-

¹⁷ Там же, стр. 102 и особенно прим. 1.

¹⁸ Там же, стр. 279.

¹⁹ J. В. В и г у. Op. cit., p. 570 f. Дж. Бьюри полемизирует здесь с Ф. Гиршем, считавшим, что Продолжатель Феофана попросту пользовался книгой «Об управлении империей».

²⁰ F. Hirsch. Op. cit., S. 218 f. А. Васильев («Византия и арабы. . .», т. I, стр. 48, прим. 2) обратил внимание на сходство в описании вторжения арабов на Крит в 825 г. у Продолжателя Феофана и арабского писателя ад-Хумаиди. Не лежит ли в основе обоих рассказов общий источник?